

NORA ROBERTS

Cousins O'Dwyer Trilogy

Смуглая ведьма

Родовое проклятие

Орудие ведьмы — любовь

НОРА

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

РОБЕРТС

РОДОВОЕ
ПРОКЛЯТИЕ

МОСКВА 2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Nora Roberts
SHADOW SPELL

Copyright © Nora Roberts, 2014. This edition published by
arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *С. Володиной*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Робертс, Нора.

P58 Родовое проклятие : [роман] / Нора Робертс ;
[пер. с англ. С. Б. Володиной]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2016. — 448 с. — (Нора Робертс.
Мега-звезда современной прозы).

ISBN 978-5-699-85935-1

С самого детства Коннор О'Двайер из семьи потомственных
ведьм не знает отбоя от местных красоток. Но в его сердце ца-
рит одна только Мира Куинн. Девушка с глазами цыганки и те-
лом богини. Очарованный красотой Миры, Коннор не замечает,
как прошлое настигает его, словно гончий пес, угрожая унич-
тожить все, что он любит... Сможет ли Коннор защитить свою
семью, друзей и любимую? Хватит ли смелости встретиться со
злом лицом к лицу?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-85935-1

© Володина С., перевод на русский язык,
2016
© Издание на русском языке, оформ-
ление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Моему ближнему кругу —
родным и друзьям*

Будущие события отбрасывают
назад свою тень.

Томас Кэмпбелл

Украшение дома — друзья, его
посещающие.

Ральф Уолдо Эмерсон

1

Осень 1268

Над водой поднимался туман. Свитый кольцами, он был подобен дыханию. Эймон сидел на веслах. Воспрянувшее от ночного сна солнце разбудило птичий гомон и теперь посылало на землю сияние, бледное и холодное. С зеленых лугов, меж которых вилась река, доносилось петушиное пение. Блеяли овцы.

Какие знакомые звуки. Вот уже пять лет они приветствуют его каждое утро.

Но то был не его родной край. Эти звуки, такие знакомые и такие уютные, все равно никогда не будут для него звуками родного дома.

А он всей душой рвался туда, где родился. При мысли о доме у него начинали ныть кости, как у старика на сырую погоду, и кровоточить сердце, как у отвергнутого влюбленного.

5

В глубине же, скрытая тоской и болью, тлела ярость, готовая вспыхивать и клокотать, иссушая горло, как жажда.

Бывали ночи, когда ему снился родной дом, их хижина в чаще леса, где ему были знакомы каждое дерево, каждый изгиб тропы. Иногда сновидения были почти осязаемыми, будто это не сон был, а явь, и он почти физически вдыхал дым очага и ощущал идущий от постели запах лаванды, которую мать всегда клала в белье — за ее способность дарить полноценный отдых и сладкие грезы.

Он слышал голос матери, ее негромкое пение снизу, где она смешивала снадобья и готовила отвары.

Смуглая Ведьма — вот как ее называли, надо сказать, со всем уважением, ибо похвастаться такой мощной энергией и магической силой никто больше не мог. А еще мама была добрая и хорошая. В такие ночи, когда ему снился дом, когда до его слуха долетали мелодии песен, Эймон нередко просыпался в слезах.

И быстро вытирал их с лица. Он уже мужчина, ему исполнилось десять лет, и он глава семьи. Как некогда его отец.

А слезы... Слезы — удел женщин.

И еще у него на попечении сестры, напомнил себе Эймон, сложив весла и пустив лодку плыть по течению в ожидании клева. Хоть Брэнног и старшая, но мужчина в семье — он один. Он поклялся оберегать ее и Тейган и от слова своего не отступит. К нему перешел меч их деда. И когда придет время, он возьмет этот меч в руки.

А время придет.

Потому что случались и другие сны — вгонявшие его скорее в ужас, чем в тоску. Сны о Кэвоне, черном колдуне. После этих снов Эймон чувствовал, как в нем зарождаются ледяные комочки страха, от которых остывала даже тлевшая в его душе ярость. Страшно было так, что он хотел крикнуть «мама!», — как малыш в минуту опасности.

Но он не мог позволить себе бояться. Мамы нет, она принесла себя в жертву ради спасения его и его сестренки, и случилось это всего несколько часов спустя после гибели их отца от руки Кэвона.

Отца Эймон вспоминал с трудом. Чтобы вызвать в памяти его образ, образ рослого и горделивого Дайти, белокурого и веселого главы их рода, приходилось все чаще прибегать к помощи огня. Зато чтобы вспомнить маму, достаточно было лишь закрыть глаза. Он так и видел ее, бледную на пороге смерти, видел, как она стоит перед их домиком в лесу тем туманным утром и провожает взглядом их, своих детей, они уезжают, и у него от горя разрывается сердце, а в жилах уже бьется новая, наполненная мощью энергия.

С того самого утра он больше не мальчик, он один из *трех*, отныне в тройном единстве олицетворяющих собой Смуглую Ведьму, и он связан кровью и клятвой — покончить с тем, кого не удалось одолеть их матери.

В глубине души Эймон жаждал одного — чтобы *началось*. Рвался завершить свое пребывание на этом хуторе у родных, где утро начинается с приветственного петушиного кукареканья и поля оглашаются овечьим блеянием. В нем зрели мужчина и маг, обуреваемые

желанием ускорить течение времени, быстрее обрести силу, которая дала бы ему возможность с уверенностью, без дрожи в руках орудовать мечом его деда. Желанием приблизить то время, когда он сможет в полной мере пустить в ход свои родовые магические способности и колдовские приемы. Время, когда он прольет кровь Кэвона и обратит ее в пепел.

Однако во сне он оставался мальчишкой, неискушенным и слабым. В ночных сновидениях его преследовал волк, в которого обращался Кэвон, волк с мерцающим красным камнем на шее — этот камень был средоточием черной магической силы Кэвона-волка. И во сне на землю лилась настоящая кровь Эймона — его и сестер, теплая и алая.

Наутро после самых тяжелых снов Эймон уходил на реку, садился на весла и греб к рыбному месту, чтобы побыть там одному, тогда как в обычные дни был охоч до компании, оживленных разговоров сельского дома и аппетитных запахов кухни.

Но после снов, в которых он истекал кровью, ему требовалось уединение — и никто не корил его за то, что он не помогает доить коров, или чистить навоз, или кормить скотину. Нет, только не в такое утро.

И вот он сидел в лодке, худенький десятилетний мальчик с копной взъерошенных со сна каштановых волос, широко распахнутыми синими отцовскими глазами и мощной, еще только зарождающейся в нем энергией, унаследованной от матери.

Он слушал звуки пробуждающегося дня, терпеливо ждал, когда начнется клев, и грыз овсяную лепешку, что прихватил на кухне у тетки.

И вновь обретал себя.

Река, тишина, мягкое покачивание лодки напоминали ему о последнем по-настоящему счастливом дне, проведенном с мамой и сестрами.

Он помнил, что после нездоровья, преследовавшего мать всю долгую и морозную зиму, когда она, бледная и слабая, едва переставляла ноги, в тот день Сорка — так звали мать — выглядела на удивление бодро. Они дружно считали дни до Билтейна¹, когда должен был вернуться отец. Тогда, мечтал Эймон, они все рассядутся вокруг огня, станут пить подслащенный медом чай с чем-нибудь вкусным и слушать рассказы отца о его подвигах на войне и на охоте.

Они закатят настоящий пир, мечталось ему, и мама опять поправится.

В тот день, так врезавшийся ему в память — они рыбачили на реке и беззаботно смеялись, — ему верилось, что все это будет, и грела мысль, что скоро и отец будет с ними.

Но отец не вернулся. Кэвон пустил в ход черные чары и погубил бесстрашного Дайти. И Смуглую Ведьму Сорку, хотя она и обратила его в пепел. Ее он тоже сгубил, а сам каким-то чудом остался жить.

Что Кэвон жив, об этом Эймон тоже знал из снов. И еще — это подсказывали ему мурашки, порой про-

¹ Второй из главных сезонных праздников кельтов. Проводился в середине отрезка между весенним равноденствием и летним солнцестоянием, т.е. выпадал на 30 апреля или 1 мая и сопровождался ритуальными кострами. — *Здесь и далее примеч. пер.*

бегавшие у него по спине. И глаза сестер говорили ему, что это правда.

И все же тот день, яркий весенний день на реке, навсегда останется с ним. Даже сейчас, ощутив клев, он мысленно возвращался в тот день и видел себя, пятилетнего, вытаскивающего из воды серебристую рыбину.

И наполнялся той же рыбацкой гордостью.

— Айлиш будет довольна, — произнес мамин голос.

Он бросил рыбу в ведро с водой, чтобы не портилась, и мама улыбнулась ему.

Видение пришло, вызванное его неумолчной тоской, и принесло успокоение. Эймон снова насадил на крючок наживку, а солнце уже грело и потихоньку съедало волокна тумана.

— Одной нам не хватит.

В тот давний день мама сказала именно эти слова, он хорошо это помнил.

— Значит, ты поймаешь еще.

— Я бы с большей радостью удил рыбу в нашей реке!

— Однажды так и будет. Настанет день, сынок, и ты вернешься домой. Настанет день, и те, кто пойдет от тебя, будут рыбачить в нашей реке, гулять по нашему лесу. Я обещаю!

На глаза мальчика навернулись слезы, туманя взор, и образ матери стал расплываться. Он сдерживал слезы, чтобы видеть ее яснее. Видеть ее распущенные черные волосы по пояс, ее темные глаза, полные любви. И исходящую от нее лучезарную

силу. Он и сейчас ощущал эту энергию, а ведь это было только видение.

— Почему ты не сумела его уничтожить, мам? Почему не осталась жить?

— Так было предначертано богами. Любимый мой, мой мальчик, сердце мое, да чтобы спасти тебя и твоих сестреночек, я отдала бы больше, чем жизнь!

— Ты и отдала больше, чем жизнь. Ты отдала нам свою силу, почти до капельки. Если бы ты оставила ее себе...

— Мое время пришло. А вы получили то, что принадлежало вам по праву рождения. И в этом моя главная отрада, и ты не должен думать иначе! — В исчезающем тумане она светилась серебристым светом. — Я всегда буду жить в тебе, Верный Эймон. Я у тебя в крови, в сердце, в мыслях. Ты не один.

— Я по тебе скучаю!

Он ощутил на щеке поцелуй, его окутало тепло, и он почувствовал такой родной мамин запах. И в этот миг, пускай на мгновение, он превратился в ребенка.

— Я хочу быть смелым и сильным. И буду, клянусь тебе! Я не дам Брэнног и Тейган в обиду.

— Вы будете защищать друг друга. Вы трое должны держаться вместе. Вместе вы будете сильнее, чем была я одна.

— Я его убью? — Это была самая сокровенная и самая черная мечта Эймона. — Одолею?

— Этого я тебе сказать не могу. Знаю только, что ему никогда не отнять того, что есть у вас. *Это* можно только дать — как дала вам я. Он несет на себе мое

проклятие и мою печать. И все, кто пойдет от него, будут носить этот знак — точно так же, как все, кто пойдет от вас, будут нести свет. Мою кровь, Эймон. — Она повернула руку ладонью вверх и показала тонкий порез. — И твою.

Он ощутил мгновенную боль, увидел на руке рану. И прижал ладонь к материнской руке.

— Кровь вас троих, потомков Сорки, его одолеет, пусть для этого понадобится тысяча лет. Верь в себя! Это главное.

Она поцеловала его еще раз и опять улыбнулась:

— Смотри-ка, у тебя уже не одна!

Удочка изогнулась, видение исчезло.

Ну вот, уже не одна.

Он вытаскивал из реки трепетавшую рыбу, а думал о том, каким он будет бесстрашным. И сильным. И когда придет время, его силы хватит, чтоб победить.

Мальчик внимательно посмотрел на ладонь — никакого следа. Зато теперь в голове у него прояснилось. В нем течет кровь Сорки, живет ее дар. Когда-нибудь он передаст их своим сыновьям и дочерям. И если случится, что ему не суждено уничтожить Кэ-вона своими руками, это сделают его дети, внуки его или же правнуки...

Но все-таки он всеми силами верил, что все сделает сам, и молил об этом богов.

А пока он порыбачит. Хорошо быть мужчиной, подумалось ему, охотиться и рыбачить, добывать пищу. И тем самым оплачивать родным за приют и заботу.

С тех пор как Эймон осознал себя мужчиной в доме, он научился терпению. И сейчас, когда он причаливал к берегу, в его лодке лежали уже целых четыре рыбины. Он привязал суденышко, а улов нанизал на веревку.

Постоял немного, глядя на воду — сейчас она сверкала под лучами солнца, которое поднялось уже высоко. Он думал о маме, о том, как звучал ее голос, как пахли волосы. Ее слова останутся с ним навсегда.

Эймон решил, что пойдет перелеском. Здесь не такой глухой лес, как дома, но лес, он и есть лес, сказал он себе.

Он принесет Айлиш рыбу, напьется чаю у очага. А потом поможет убирать последний урожай.

И Эймон зашагал в сторону дома на окраине небольшого хутора, но вдруг услышал пронзительный тонкий крик. Улыбнувшись про себя, он сунул руку в холщовую сумку и достал кожаную перчатку. Едва он надел ее и выставил руку, как из облаков, раскинув крылья, спикировал Ройбирд.

— С добрым утром тебя! — Эймон заглянул в золотистые глаза ястреба, ощутил незримую связь с птицей, верным своим другом и наставником. Прикоснулся к магическому амулету на шее, полученному из рук матери — она сделала его для сына сама, применив для защиты магию крови. На амулете был изображен ястреб.

— Славный денек, а? Такой ясный, свежий! Урожай почти убрали, скоро праздник, — продолжал он, шагая и неся на руке птицу. — Равноденствие,

как тебе известно. Когда ночь начинает побеждать день, подобно тому, как Грон Лучезарный победил Лей-Лау Гэфеса. Мы будем отмечать рождение Мабона, сына защитника земли, Модрона¹. Наверняка будут медовые пряники. Я для тебя припасу кусочек.

Ястреб потерял голову о щеку мальчика, ласковый, как котенок.

— Мне опять приснился Кэвон. Приснился дом, а потом мама — после того, как она отдала нам почти всю свою силу и отослала подальше от дома. Ради нашего спасения. Я это все вижу, Ройбирд. Как она отравила его своим поцелуем, как напрягла остатки воли и воспламенилась, чтобы его уничтожить. А он забрал ее жизнь. И все же... В золе, в которую она его обратила, я видел какое-то шевеление. Движение неких сил зла. И еще — красное мерцание, отблески его энергии.

Эймон замолчал, сконцентрировал энергию, почувствовал ее. Он ощущал биение сердца кинувшегося в кусты пугливого зайчишки, голод только что оперившегося птенца, ожидающегося матери с завтраком.

Он чувствовал своих сестер. Чувствовал овец, лошадей.

И никакой угрозы.

— Он нас не нашел. Я бы знал. Ты бы тоже увидел его и сказал мне. Но он ищет, он выслеживает, и это я тоже чувствую.

¹ Персонажи валлийской мифологии, одной из ветвей мифологии древних кельтов.

Бесстрашные синие глаза потемнели; мягкий мальчишечий рот сделался по-мужски жестким.

— Я не собираюсь вечно прятаться. Однажды я сам выйду на охоту, недаром во мне течет кровь Дайти и Сорки.

Эймон поднял руку, захватил пригоршней воздух, сжал в кулаке, покрутил и мягким движением послал в сторону дерева. Качнулись ветки, с них вспорхнули птицы.

— Я ведь буду делаться сильнее и сильнее, правда? — прошептал он и зашагал к дому, спеша порадовать Айлиш богатым уловом.

Шел к концу уже пятый год, как Брэнног несла на себе бремя домашних хлопот, не гнушаясь ничем, что ей поручали. Она готовила, убирала, нянчилась с малышами, ведь Айлиш вечно либо держала ребенка у груди, либо носила под сердцем следующего. Брэнног помогала сеять хлеб и ухаживать за посадками. И среди убирающих урожай она была в числе самых сноровистых.

Она честно трудилась, и это ей даже нравилось — все, что она делала, она делала на совесть. Айлиш с мужем были к ней очень добры. Оба отзывчивые, порядочные — соль земли, говорят о таких, — трем сиротам они дали больше, чем кров.

Они дали им семью, а это самый бесценный дар, какой только может получить человек.

Разве мама не знала этого? Стала бы она в ином случае посылать своих детей к Айлиш? Да Сорка и в самый тяжкий час не отдала бы детей никому,